

УДК 340.1

*Н.А. Шавенко***СОЦИАЛЬНЫЙ (ПРАВОВОЙ) ИДЕАЛ РУДОЛЬФА ШТАММЛЕРА**

В статье рассматриваются предложенная выдающимся немецким философом права Рудольфом Штаммлером формула правового идеала – «общество свободно хотящих людей», сформулированные им принципы справедливого (правильного) права, а также проблемы их применения при оценке конкретной правовой действительности. Анализируются соотношение правового и нравственного идеала в учении Рудольфа Штаммлера, а также воззрения русских дореволюционных юристов на учение немецкого мыслителя о правильном праве.

Ключевые слова: Рудольф Штаммлер, социальный идеал, общественный идеал, правовой идеал, общество свободно хотящих людей, правильное право, естественное право с меняющимся содержанием, неокантианство.

Рудольф Штаммлер (1856 – 1938) – немецкий юрист, философ, представитель Марбургского неокантианства, известный, прежде всего, своим оригинальным учением о социальном (правовом) идеале и соответствующем ему «правильном праве». Социальным идеалом Штаммлер называл априорную регулятивную идею права, которой необходимо руководствоваться законодателю и правоприменителю. Таковой, по мнению Штаммлера, является идея «общества свободно хотящих людей». Указанная формула выражает собой объективный, независящий от частных целей общественный идеал, конечную общезначимую цель совместной жизни людей.

Обосновывая приведенную формулировку общественного идеала, Штаммлер, следуя Канту, пишет: «Свободное от эмпирической обусловленности проявление воли... – вот в чем заключается телеологическая закономерность, обозначаемая нами обыкновенно словом *долженствование*... Свобода поэтому не может означать свободу от закона причинности в сфере эмпирически данных явлений... Свобода означает только свободу от *субъективности целеполагания*» [19. С. 24]. Отсюда «абсолютной целью, идеей, к которой необходимо стремиться, как к регулятивному углу зрения, хотя она никогда не может быть полностью осуществлена в опыте, является: быть *свободным*» [19. С. 250]. Свободная воля, как и у Канта, будучи «неличной» и несубъективной, оказывается одновременно доброй волей. Однако Кант обращал свой «категорический императив» к индивидуальной воле. Штаммлер, в свою очередь, желает применить его к социальной воле. Социум, по мнению Штаммлера, «представляет собой внешним образом урегулированную совместную жизнь и сотрудничество» [19. С. 250]. Следовательно, социальная воля есть внешние правила поведения.

Одновременно право определяется Штаммлером как «ненарушимое, самовластное объединяющее воление» [20. С. 337]. Иными словами, «право представляет собой особый вид социального воления» [22. С. 303, 308], причем самый главный вид, характеризующийся принудительностью (самовластностью) и образующий социум как таковой.

Социальный идеал оказывается у Штаммлера правовым идеалом, что напрямую следует из данных им понятий социума и права. Однако, являясь по существу правовым, этот идеал действует и в отношении других (конвенциональных, предполагающих согласие обязанного лица на их соблюдение и исполнение) социальных норм, также образующих позитивную этику. Штаммлер аргументирует это тем, что право по определению способно ограничивать конвенциональные нормы, тогда как последние по определению не могут ограничивать право. Поэтому там, где существуют неправильные обычаи и общественные нравы, совершенно точно существует и неправильное право; позитивная этика оказывается подчинена позитивному праву [21. С. 235-239].

Исходя из вышеизложенного, правильным правом будет такое, при котором всякий считает своими «объективно правомерные» (априорные) цели другого [19. С. 251], каждый – свободен. Штаммлер подчеркивает, что он имеет в виду не внешнюю (политическую), а внутреннюю (рациональную) свободу [19. С. 251-252]. Такой социальный (правовой) идеал только на первый взгляд может показаться несущественной доработкой этической теории Канта, однако Штаммлер отмечает, что речь идет не простом сопоставлении и суммировании «раздельных свободных целевых содержаний» (то есть не о совокупности нескольких добрых волей), а о внешних принудительных правилах, выражающих свободное воление. Штаммлер обозначает их термином «социальное воление», то есть воление внешнее, «*воление для других*» [17. С. 76, 96, 97].

Свой социальный идеал Штаммлер обосновывает путем острой критики социального эвдемонизма (утилитаризма), согласно положениям которого конечной целью социума и, следовательно, правового регулирования является всеобщее счастье и благополучие. Указанное обстоятельство представляется заслуживающим особого внимания, поскольку мнение о том, что общее благо является высшей целью, наиболее распространено в общественном сознании, а критика данного мнения являлась одной из принципиальных философских позиций И. Канта и неокантианцев.

По мнению Штаммлера, социальный эвдемонизм несостоятелен прежде всего потому, что «всегда можно говорить лишь о счастье и благополучии определенных людей»; иными словами, нельзя ответить на вопрос: в чем объективно заключается счастье людей вообще. Можно лишь понять, что будет счастьем субъективно для тех или иных лиц, однако это исключает постулирование всеобщего формального (регулятивного) априорного идеала; счастье же самого общества, в свою очередь, – понятие иллюзорное [19. С. 253-257]. Право не должно потакать всем случайным желаниям отдельных индивидов, поэтому для социального эвдемонизма неизбежна проблема поиска критерия, по которым эти желания оцениваются, а это, в свою очередь, снова приводит к идее формального принципа справедливости (общезначимой может быть только форма, а не содержание) [19. С. 258-259; 18. С. 188-189]. «Особенно важное значение, – пишет Штаммлер, – это имеет в том отношении, что социальный строй отнюдь не имеет права дожидаться случайного появления той или иной потребности. Наоборот, он обязан сознательно и целесообразно вызывать такие потребности, он должен возможно больше и лучше воздействовать на индивида путем воспитания, образования и развития» [19. С. 260]. Здесь же Штаммлер отмечает, что если под счастьем и благополучием понимать существование, достойное человека как разумного существа, то социальный эвдемонизм вполне верен. Однако достойным является именно разумное, руководимое чистой волей существование, и заблуждением будет стремиться к общему счастью, понимая последнее как удовлетворение любых субъективных желаний [19. С. 261; 22. С. 312-313]. В идеальном обществе цели всех преследуются всеми, но это и есть – «общество свободно желающих людей» [19. С. 262].

Указанная критика Штаммлера социального эвдемонизма представляется обоснованной. При этом следует подчеркнуть, что в некотором смысле Штаммлер признает право данной философской позиции на существование, а именно, в том смысле, при котором счастье народа является одновременно объективной целью. По нашему мнению, важным является тот факт, что каждый человек от природы стремится к собственному счастью (даже мазохист или альтруист пытаются содействовать собственному счастью, хотя бы и неверным либо нетипичным способом). Это единственное положение, которое следует из человеческой природы, не отрицается также И. Кантом и его последователями. Кант признавал, что «все люди уже сами собой имеют сильнейшее и глубочайшее стремление к счастью» [2. С. 65, 78-79]. Отмечает рассматриваемое обстоятельство и Штаммлер, добавляя при этом, что из свойственного всем эгоизма еще не следует конкретное содержание права [18. С. 192]. В свете сказанного становится понятной попытка многих философов утвердить всеобщее благоденствие в качестве высшей цели человеческого бытия. Критика утилитаризма, как правило, сводилась к невозможности объективно сравнить между собой ценности и эмоции различных людей и установить гарантированный каждому уровень счастья. Такой объективный критерий между тем и дает философия Канта и неокантианства, восполняя недостатки утилитаризма. Оправданным оказывается свойственное свободному индивиду стремление к счастью всех. Как верно пишет Штаммлер, требование общего блага само по себе верно обозначает проблему, но не решает её [22. С. 313].

Примечательно, что в критике утилитаризма Штаммлер не во всем следует за Кантом. Основным аргументом Канта против названного течения была констатация того факта, что «человек не может составить себе никакого определенного и верного понятия о сумме удовлетворения всех склонностей, именуемой счастьем» [2. С. 65], а «понятие счастья столь неопределенное понятие, что хотя каждый человек желает достигнуть счастья, тем не менее он никогда не может определенно и в полном согласии с самим собой сказать, чего он, собственно, желает и хочет» [2. С. 80-81]. Штаммлер не считает указанный аргумент сильным. Он, конечно, отмечает ограниченность возможностей законодательства и правоприменительной практики по порождению у отдельных людей чувства счастья ввиду самой природы права, а также вследствие сложности познания человеческой психики и по причине различия целей и желаний людей [19. С. 255]. Однако законодатель и судья не могут так же точно знать и осуществить то, что соответствует формальному идеалу «общества свободно желающих людей». Принятие политических и судебных решений происходит часто в ситуации, когда нет достаточных доказательств по-

лагать, что они правильные. Штаммлер видит в этом судьбу любой исследовательской деятельности, поэтому упрекать только утилитаризм представляется ему несправедливым [22. С. 315].

Важным является тот факт, что свой социальный идеал Штаммлер противопоставляет также популярным (в том числе в неокантианстве) идеям свободы и равенства.

Так, концепция либерализма, согласно которой идеальное право максимизирует внешнюю свободу человека, по мнению Штаммлера, теоретически несостоятельна, поскольку ведет к логическим противоречиям. Ученый признает, что людям свойственно желание безграничной свободы, предоставляющей возможность развивать свои способности и не быть связанными ничем, кроме собственных склонностей и потребностей, даже если бы они представляли собой произвол. Однако исполнение данного желания повлекло бы за собой уничтожение правового порядка, то есть общества как такового. Общественный же идеал подразумевает правильное правовое регулирование, а не отсутствие правового регулирования. Поддержание внешнего принуждения с целью предоставить неограниченную внешнюю свободу есть логическое противоречие. Общественный идеал должен иметь в виду внутреннюю, а не внешнюю свободу; вопрос о мере последней – это вопрос о средствах, а не о цели.

Что касается равенства, то оно, согласно позиции Штаммлера, не решает проблему социального идеала, а оставляет ее открытой. Требование равенства в любом случае не должно означать установления фактического равенства в количестве и качестве распределенных материальных благ. Под равенством обычно подразумевают равенство перед законом, но каким должен быть этот закон, каков метод, применимый к деяниям каждого человека – вопрос другой, требованием равенства не разрешающийся (о свободе и равенстве см.: [21. С. 187-191; 11. С. 288-289]).

Идея «общества свободно желающих людей» нашла живой отклик в отечественной научной литературе.

Л.И. Петражицкий, например, выступил в печати с резким тезисом о том, что своей формулировкой Штаммлер ничего принципиально не добавил к учению автора психологической теории права, за исключением ненужных «осложнений и затемнений» [6. С. 27]. Общечеловеческим идеалом Петражицкий считает любовь. Право как психический феномен должно соответствовать ему. Задача разрабатываемой автором «политики права» состоит в том, чтобы понять, какие способы управления народной психикой являются действенными, и использовать эти способы для достижения идеала [6. С. 14, 15, 21 и др.]. Главным методом такой науки Петражицкий называет психологическую дедукцию [6. С. 16].

Уже здесь, по нашему мнению, видится явное отличие психологической науки «политики права» от неокантианской идеи «возрожденного естественного права». Первая не считает нужным отдельно обосновывать общечеловеческий идеал (он уже дан нам в Библии), признавая соответствующие философские построения произвольными фантазиями [6. С. 7]. Вторая занята именно такими философскими построениями и использует для этого трансцендентальную, а не психологическую дедукцию. Штаммлер, будучи неокантианцем, несомненно, принадлежит ко второму направлению, поэтому утверждения Петражицкого представляются необоснованными.

Помимо этого, Петражицкий утверждает, что идеал любви не должен быть, вопреки Штаммлеру, правовым идеалом (и не следует формулировать его применительно к праву иносказательно посредством сложных словесных суррогатов слова «любовь») [6. С. 38-39]. Между тем Штаммлер считал справедливость, а не любовь правовым идеалом: Петражицкий неправ в своей оценке Штаммлера, что должно стать ясным из нижеследующего.

Проблема соотношения любви и справедливости раскрывается у Штаммлера в его анализе соотношения морали и права. Ученый придерживается традиционной для неокантианства точки зрения, согласно которой мораль направлена на совершенствование помыслов, а право – на совершенствование поведения. При этом он отмечает единую цель указанных социальных регуляторов, подчинение их общей закономерности [21. С. 57]. Также Штаммлер полагает, что не существует сферы общественных отношений, которая принципиально не подпадала бы под действие одного из них (соответствующее различие относительно) [21. С. 58]. Таким образом, право и мораль различны лишь в задачах (методах) оценки: первое проверяет внешнюю правильность, вторая – внутреннюю правильность (результаты этих двух оценок могут отличаться в одной и той же ситуации, например ситуации вступления в брак внешние действия могут быть правильными, а волеие – дефектным). Правильное право («действуй свободно») есть систематическое определение справедливости, категорический императив («желай свободно») есть систематическое определение добра. Сами эти определения еще не говорят о том, что считалось и считается справедливым и добрым у различных народов, поэтому следует отличать их от

позитивного права и позитивной этики [21. С. 67]. При этом справедливость есть осуществление воли, направленной на другого, а добро есть осуществление воли, направленной на себя. В связи с этим и становятся возможными два независимых подхода к оценке волевых актов, которые могут противоречить друг другу. Роль права здесь - установить правильную норму поведения, а роль морали – исполнить эту норму с правильным волением. Отсюда ясно, что само по себе нравственное воление бессмысленно, если неизвестны правильные способы его выражения. В то же время и правильное поведение не приведет к совершенству, если будет исполняться с недолжными помыслами. Таким образом, право и мораль взаимодополняются. В итоге единая формула совершенства такова: *«Иметь благое намерение осуществлять правильное право»* («Das rechtlich Richtige gut wollen») [21. С. 70].

Из вышеприведенного видно, что учение о правильном праве отнюдь не повторяет нравственное учение, хотя оба и отсылают к «высшему закону человеческой воли». Данные учения независимы друг от друга. В этом Штаммлер следует за Кантом, который разграничивал критерии моральности и легальности поступка, оценивающие соответственно внутреннюю мотивацию и внешние действия лица [9. С. 95-96].

Понятие любви, в свою очередь, полностью относится Штаммлером к сфере нравственности и, по-видимому, отождествляется с понятием добра. Немецкий мыслитель считал неверной точку зрения, согласно которой следование заповеди любви к ближнему делает излишним правовой идеал и правовой порядок в целом (в этом вопросе он высказал свое несогласие с противоположной точкой зрения Л.Н. Толстого) [22. С. 316]. Дело в том, что идеал любви еще не есть идеал внешнего действия: два истинных христианина зачастую не сойдутся в вопросе справедливого права [21. С. 71]. Поэтому, даже если все люди станут верны заповеди любви к ближнему, необходимость правового регулирования не исчезнет. Штаммлер цитирует здесь библейские слова: «Любовь есть исполнение закона» (Рим. 13:10) [22. С. 316]. Изменяющиеся внешние условия жизни, в том числе технические возможности, всегда требуют особого осмысления, выходящего за пределы нравственной проблематики, ибо последняя обращается к отдельному индивиду и касается только вечных идеалов души, а не конкретных обстоятельств; так вырисовывается необходимость права, а исключительно нравственностью довольствовались бы только те, кто совершенно не нуждается во внешних благах [21. С. 72, 81]. С другой стороны, правовое государство оказывается лишь необходимым условием для решения социальных проблем, но само по себе еще не ведет к их полному решению, так как неответственно за выполнение задач нравственности [21. С. 90].

Таким образом, справедливость и любовь вопреки Петражицкому, по мнению Штаммлера, не отождествляются, хотя и состоят в тесном союзе, и нуждаются друг в друге (почему у права и есть воспитательная функция). Штаммлер прямо пишет, что понимать идею справедливого права как «мнимое напоминание государственному закону “проводить” нравственные требования, даже любовное отношение к ближним» – неверно [17. С. 96], правовой идеал не имеет в виду, что подчиненные праву должны быть вынуждены к *моральным поступкам* [10. С. 292]. На это обращал внимание П.И. Новгородцев, справедливо отмечавший, что «общество свободно хотящих людей» отнюдь не тождественно идеалу любви, выдвинутому Петражицким [5. С. 30]. Штаммлер также подчеркивал, что правовой идеал не должен подменяться требованием совершенствования личности, поскольку направлен на упорядочение общественной жизни, а не внутреннего мира человека [21. С. 199].

В свете сказанного представляется необоснованным и другой упрек Л.И. Петражицкого в адрес учения Штаммлера, а именно, что идеальное общественное состояние у последнего противоречиво, так как исключает само понятие общества. Людям, воспитанным в любви, пишет Петражицкий, не нужны внешние правила [6. С. 45].

Он не учитывает, что любовь не подменяет собой внешних правил и не является правовым идеалом, по Штаммлеру. Последний прямо говорит, что правовой идеал не подразумевает отмену правового регулирования и устранения общества и не касается того, насколько свободен от субъективности (нравственен) тот или иной человек при реализации внешних правил поведения [19. С. 292-293].

Позицию Л.И. Петражицкого во многом разделял Б.А. Кистяковский, который обращал внимание на тот факт, что по собственному разъяснению Штаммлера постулируемое им «свободное хотение есть внутренняя свобода, т. е. нравственный принцип, а не внешняя свобода, действительно являющаяся целью права» [3. С. 627]. Мы, в свою очередь, считаем возможным уточнить здесь, что внутренняя свобода ведет как к свободным желаниям, так и к свободным поступкам (свободным именно внутренне, а не внешне, то есть совершенным в соответствии с принципами, полученными

путем несубъективного мышления), поэтому указание Штаммлера на внутреннюю свободу еще не означает, что в своих размышлениях он ушел из сферы права в сферу морали (добра и любви). Также Кистяковский замечает, что «указываемое Р. Штаммлером в качестве цели социального процесса “общество свободно хотящих людей” не есть общество, ибо люди, характеризующиеся только тем, что они свободно хотят, ничем не связаны между собою» [3. С. 627]. В связи с этим Кистяковский называет социальный идеал Штаммлера анархизмом святых, и поскольку общество святых может быть построено на одной любви, постольку этот социальный идеал правильно обозначен Петражицким словом «любовь» [3. С. 628]. Приведенные соображения Кистяковского представляются спорными на основании доводов, изложенных нами выше. Торжество любви не отменяет внешних правил, касающихся языка, элементарных форм поведения и проч., которые не могут быть выведены из чувства любви, поэтому святость не означает непременно анархизм (отсутствие права).

Между тем в изложенных взглядах Петражицкого и Кистяковского нельзя не отметить определенной логики. Несмотря на то что Штаммлер обозначает сферу регулирования права как внешнее поведение, правовым идеалом у него оказывается все же внутреннее хотение (цель права – свободное воление подчиненных ему лиц). П.И. Новгородцев, критикуя трактовку учения Штаммлера, данную Петражицким, вынужден был в итоге признать, что неверное понимание Штаммлера обусловлено исключительно виной последнего, прибегавшего к темным и замысловатым формулировкам [5. С. 33]. В данном случае приходится констатировать, что утверждение в качестве правового идеала «общества свободно хотящих людей» противоречит тем задачам права, которые были указаны самим же Штаммлером, поскольку право оказывается подчиненным нравственности. Правовым идеалом в данном смысле действительно становятся добро и любовь. Тем не менее, если последовательно придерживаться предложенного немецким ученым разграничения права и морали, справедливости и любви, правовым идеалом должно стать *общество свободно действующих, а не свободно хотящих людей*. На наш взгляд, именно эта неточность формулировки социального идеала и повлекла за собой острые споры в научной литературе.

Правовой идеал у Штаммлера напрямую связан с понятием свободного воления. Однако очевидно, что это воление должно иметь место на стороне законодателя и правоприменителя, а не вообще всех людей. Законодатель, принимающий тот или иной закон, и правоприменитель, применяющий этот закон, должны поставить перед собой следующий вопрос: одобрили бы данный закон люди, если бы они обладали свободной волей. Поскольку свободная воля объективна, то не важно, о каких именно людях идет речь: каждый свободно мыслящий пришел бы к одному и тому же выводу. Но данный мыслительный эксперимент осуществляют всё же законодатель и правоприменитель (в случае, если закон оставляет место для его усмотрения). Содержание воления других субъектов права безразлично для права, поэтому не должно затрагиваться в формулировке правового идеала. Как пишет сам Штаммлер, «учение о справедливом праве обращается вообще не к *отдельным лицам*, как таковым, а к *устанавливающему праву*» [17. С. 97]. Правовой идеал «имеет в виду не такое общество, в котором *кто-либо* может иметь объективно обоснованные желания, а такое, в котором *содержание определяющей социальной воли* (курсив мой. – Н.Ш.) является объективно правильным» [19. С. 283]. Таким образом, речь должна идти не о свободном волении людей вообще, а свободном волении законодателя или судьи (олицетворяющих социум). Русскими дореволюционными правоведками неправильно воспринята штаммлеровская идея социального воления, которая отнюдь не имела в виду количественное повторение однородных притязаний людей, а подразумевала, в первую очередь, законодателя, объединяющего людей своим волением.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что данные И. Кантом формулировки категорического императива касаются непосредственно внешнего поведения лиц. Так, первая формулировка категорического императива гласит: «*поступай* (курсив мой. – Н.Ш.) только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [2. С. 83]. Слово «поступай» имеется и в других формулировках категорического императива [2. С. 84, 90]. Применяя данное правило к конкретным жизненным случаям, Кант отрицательно отвечает на вопросы, позволительно ли с точки зрения нравственности кончать жизнь самоубийством, давать лживые обещания, не реализовывать свои природные таланты [2. С. 84-85, 90-91]. Не решая вопрос об обоснованности выводов Канта, отметим сам факт того, что речь во всех названных случаях идет об оценке внешних поступков, а не внутреннего воления.

Однако, помимо этого, Кант постулирует: «Для того, что должно быть морально добрым, недостаточно, чтобы оно было *сообразно* с нравственным законом; оно должно совершаться также и *ради него*» [2. С. 57]. «Нигде в мире, да и нигде вне его, – продолжает кенигсбергский мыслитель, – невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только *доброй воли*» [2. С. 60]. Таким образом, нравственным принципом оказывается соблюдение категорического императива ради него самого. Сам же категорический императив выступает в роли верховного принципа практического разума и поэтому распространяется также на сферу права, являясь основой не только учения о морали, но и учения о праве. Так, в юридической литературе неоднократно отмечалось, что юридические законы суть частное следствие категорического императива, а их задача – соответствие внешних действий категорическому императиву [9. С. 97; 10. С. 15-16].

П.И. Новгородцев отмечал, что нравственный закон Канта полагался как изменчивый по содержанию, но всеобщий и необходимый по форме. «Все это было совершенно правильно, – продолжал мыслитель, – но неправилен был дальнейший шаг – превращение этой логической формулы в единственно-возможный для нравственного исполнения мотив» [4. С. 103]. Г. Еллинек также видел в этом ошибку Канта (цит. по: [16. С. 94]).

Р. Штаммлер, в отличие от названных мыслителей, не критикует Канта с указанных позиций. С другой стороны, он нигде не говорит и о том, что чувства радости или дружбы не являются нравственными (как это утверждал Кант). По всей видимости, это обусловлено тем, что Штаммлер, целиком сосредоточившись на праве, не имел целью развивать какое-либо этическое учение. И всё же сведения Кантом нравственности к оценке мотивов Штаммлер безусловно поддерживал. В противном случае для права не осталось бы собственной сферы применения (внешние действия и поступки).

Проблема, однако, заключается в том, что правовой идеал уже во многом был дан самим Кантом, и им выступил все тот же категорический императив, который Кантом применялся для оценки внешних поступков. Утверждая свой правовой идеал, Штаммлер, как представляется, должен был яснее противопоставить его кантовскому категорическому императиву, однако не сделал этого. По нашему мнению, отличие «общества свободно хотящих людей» от категорического императива состоит в том, что штаммлеровский идеал касается именно общества, то есть социального воления (закона или иного нормативно-правового акта, обращенного вовне, а не индивидуальной нормы поведения, устанавливаемой человеком для самого себя).

Более того, Штаммлер сформулировал общую для права и морали закономерность («иметь благое намерение осуществлять правильное право»), которая, по сути, заменяла категорический императив (следуя кантовской логике до конца, правильным мотивом поступков должно было признаваться желание соблюдать правильное право), но не была должным образом коррелирована с ним.

Таким образом, как было отмечено выше, позиция Петражицкого и Кистяковского, согласно которой правовым идеалом Штаммлера является любовь, в целом неверна, однако Штаммлер сам дал повод для такого неверного истолкования своих трудов.

Из всей критики Л.И. Петражицким идеи «общества свободно хотящих людей» нам представляется наиболее значимым тезис, которому сам Петражицкий, к сожалению, намеренно не придал большого значения. Излагая мысль Р. Штаммлера о том, что в «обществе свободно хотящих людей» каждый считает своими объективные цели другого, он пишет: «Ближний А должен в свои цели возводить цели ближнего Б, а ближний Б – цели ближнего А. Получается своеобразное *chassez-croisez* целей, заключающее в себе и психологические, и логические невозможности с добавлением еще логического круга» [6. С. 36]. Действительно, в формулировке Штаммлера отсутствует выход на практику, вследствие чего она сохраняет те недостатки, в которых упрекали и формулировку категорического императива Канта. П.И. Новгородцев, критикуя в этом отношении Канта, положительно отмечал попытку Штаммлера перейти в вопросе социального идеала к практике. Этот переход заключается у Штаммлера в рассмотрении (внешних) действий, а не (внутренних) желаний. В то же время приходится констатировать, что Штаммлер просто перенес методологию Канта в область права, насколько ее не совершенствуя. «Общество свободно хотящих людей», как и категорический императив, предполагает уже многих людей – общество (то есть форма предполагает существование содержания), то есть не полностью отстранено от сферы опыта. Однако на этом соприкосновение с опытом и заканчивается. Правильное (объективное) воление исключает какое-либо конкретное содержание, так как последнее означает привнесение эмпирических условий, влекущих за собой субъективность.

В научной литературе нередко обсуждается критика моральной философии Канта Гегелем, который убеждал, что «с помощью нравственного закона можно лишь производить аналитические суждения, но нельзя обосновать ценности и значимость конкретного факта. Более того, бессодержательная формула нравственного закона может включать в себя любую частность или моральную случайность, что вообще приведет к безнравственности. Таким образом, по учению Канта, моральный мир замыкается в субъективную моральность, внешняя закономерность поступков (объективная легальность) остается индифферентной нравственности» [9. С. 205].

Проблема, по нашему мнению, заключается в том, что в конкретной ситуации всегда наличествуют факторы, которые приводят к тому, что поступок, правильный для одного, будет неправильным для другого. «Например, в ситуации автомобильной аварии полицейский и врач должны действовать по-разному, основываясь на требованиях универсальности. Полицейский не должен оперировать, а врач – регулировать движение транспорта. Для них универсальное требование будет иметь вид, соответственно, “выполняй долг врача в ситуации автомобильной аварии” и “будь полицейским в ситуации автомобильной аварии”» [1. С. 460]. Но в чем заключается критерий того, что мы находимся в одной и той же ситуации, и на основе каких факторов происходит разграничение обязанностей различных лиц в данной ситуации? Поскольку ни категорический императив, ни «общество свободно желающих людей» сами по себе не имеют выхода на практику, они не разрешают указанной проблемы.

Понимая это, Штаммлер пишет, что для применения формулы социального идеала к конкретным эмпирическим задачам и неизбежно субъективным человеческим целям необходимо выработать априорные *принципы правильного права* [21. С. 203-204]. Те же, кто упускает из виду такой элемент, как принципы правильного права, допускают, по мнению Штамллера, разрыв между социальным идеалом и многообразной действительностью [21. С. 215].

Выведение этих принципов ученый осуществляет следующим образом. Любая правовая связь подразумевает нескольких лиц и внешнее для них правило (общая цель). При этом лица исходя из самого смысла социального идеала должны рассматриваться как самоцели («уважаться» друг другом), то есть не обязаны безусловно отказываться от своих субъективных целей, но, с другой стороны, каждый сам должен нести определенное бремя ради общей цели («участвовать»). В итоге социальный идеал представляется как *«соединение самоцелей»*, а принципы правильного права делятся на принцип уважения и принцип участия [17. С. 99-100]. Каждый из этих принципов подразделяется Штаммлером еще на две части, одна из которых показывает принципиальную допустимость того или иного правоотношения, а вторая – конкретные пути осуществления правоотношений [21. С. 207].

Принципы уважения гласят:

А) воля одного лица не может быть предоставлена произволу другого;

Б) всякое правовое требование допустимо лишь под тем условием, чтобы обязанное лицо всё же могло оставаться «себе ближайшим» («*dass der Verpflichtete sich noch der Nächste sein kann*»).

Таким образом, индивид не обязан жертвовать всем ради субъективных целей другого и чтить их, а не свои как высшие (это дает основание, например, к ограничению свободы договора, запрещению рабства и т.п.). Здесь речь идет, по сути, об обязанности признавать самоценность личности, равенство всех людей. В юридической литературе отмечается, что данное содержательное требование прямо предписано и формальным категорическим императивом И. Канта (цит. по: [12. С. 7].

Принципы участия таковы:

А) нельзя произвольно исключать человека из общества («правового общения»);

Б) всякая предоставленная законом власть может быть исключающей лишь при условии, что исключенный мог бы считать себя всё же «себе ближайшим» (о названных принципах см.: [21. С. 208-213; 17. С. 100-101].

Здесь Штаммлер снова поясняет, что никто не должен иметь только обязанности, но каждый должен быть обеспечен такими правами, которые избавили его от одинокой борьбы за существование. Смысл общества ученый видит во взаимовыгодном сотрудничестве, позволяющем каждому реализовывать свои интересы и быть более успешным в вопросе выживания: отсутствие взаимной выгоды противоречит идее права [21. С. 196]. Или, как лаконично комментирует И. Покровский, требование социального идеала состоит в том, что *«общество должно обеспечивать каждому индивиду лучшее осуществление его целей, чем это было возможно для него вне общества»* [7. С. 157].

Сказанное не означает, что индивид не может быть понужден к каким-либо жертвам, в том числе и к жертве самим собой. Каждый обязан вносить свой вклад в общее дело, а этим общим делом

может оказаться и война, если только она не является следствием произвола правителя или иных лиц [21. С. 285].

По мысли Штаммлера, изложенные принципы правильного права являются не правовыми нормами, а методическими директивами для их оценки, что отличает указанные положения от тех «основных прав», которые содержатся в декларациях, конституциях и международных документах, и всегда ограничены в своем предмете [17. С. 102].

Комментируя предложенные принципы правильного права, Штаммлер сравнивает их с широко известным определением права у Канта («совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»). По мнению Штаммлера, ошибка Канта заключается в том, что он пытался установить одновременно и понятие, и правильное содержание права. В целом определение права Канта может быть включено в вышеизложенные принципы уважения, но лишь косвенно – в принципы участия [21. С. 210]. Заметим, что оно еще не раскрывает суть самого «всеобщего закона свободы», для чего и нужны предлагаемые Штаммлером принципы участия.

Приходится констатировать, что в отечественной литературе принципы правильного права, сформулированные Штаммлером, к сожалению, не подвергались хоть сколько-нибудь подробному анализу. Критики Штаммлера сосредотачивали свое основное внимание на методологии немецкого мыслителя и, в меньшей степени, на следующей из этой методологии формуле «общества свободно хотящих людей». Однако эта последняя, как показало наше изложение, зачастую понималась неверно, поэтому соответствующая критика, как правило, шла мимо цели. Так, социальный идеал, по мнению Штаммлера, вовсе не был обращен к психике отдельных индивидов, а выражение «политика права» означало совсем не то, что подразумевал под ним Петражицкий (не поиск путей морального совершенствования личности и постепенное отмирание внешних принудительных норм, а проверка указанных норм, неизбежных для любого общества, на соответствие формальному критерию правильности).

В зарубежной литературе профессор G. Sabine высказал, по нашему мнению, верный тезис, согласно которому Штаммлер дополняет кантовский принцип уважения скорее платоновским принципом участия: «Член общества не только достоин уважения как цель в себе, и, следовательно, должен быть защищен от произвольного навязывания чужой воли, но также имеет право на долю благ, материальных и духовных, которые его труд помогает создавать и поддерживать» [20. С. 348].

Здесь нужно подчеркнуть, что Кант в свое время был одним из первых, кто приступил к систематическому обоснованию идей либерализма; его политическая философия выступила против поглощения индивида обществом; индивид, по Канту, есть существо самостоятельное, не нуждающееся во внешней опеке, поэтому на государстве нет бремени забот о материальной обеспеченности граждан, об удовлетворении их социальных и культурных нужд. «Отечественное правление» Кант считал величайшим деспотизмом (цит. по: [16. С. 94]). Неокантианская политическая философия, в противоположность сказанному, восприняла современные ей (конец XIX – начало XX в.) идеи нелиберализма, вызванные усложнением социальной жизни, очевидной необходимостью помощи экономически незащищенным слоям населения, перехода от *laissez-faire* к социальному государству [9. С. 373-389; 13. С. 63]. Дополнение Штаммлером кантианского либерализма отчасти платоновскими принципами участия отражает указанные идеи нелиберализма [15. С. 79]. Вообще, базовая идея Штаммлера – естественное право с меняющимся содержанием – уже сама по себе предполагает, что «не только возможность осуществления, но само наличие прав и свобод зависит от уровня развития общества, его материальной и духовной культуры» [14. С. 76]. Тем самым, как представляется, Штаммлер отчасти учитывает вышеприведенную критику Канта Гегелем (правильное право зависит от развития общества, хотя сама идея права и остается кантианской). Однако, указывая на право каждого на долю социальных благ, предложенные Штаммлером принципы правильного права не содержат конкретных критериев определения размера данной доли. Подробного анализа данный вопрос у немецкого мыслителя, к сожалению, не получил.

Речь здесь идет об определении оптимальной степени вмешательства государства в экономику (принципах перераспределения социальных благ между социальными группами). По мнению Штаммлера, указанная степень не может быть точно обоснована в отрыве от обусловленной правовой материи: в каждом конкретном случае правильным будет свой уровень исходя из формального критерия правильного права. Но когда ученый приступает к анализу данного критерия, оказывается, что этот критерий также не дает ответа на поставленный вопрос.

Впрочем, одно указание по вопросу распределения социальных благ у Штаммлера имеется. Философ приводит в пример известного педагога Песталоцци, который уделял больше внимания менее одаренным ученикам, и называет такое решение справедливым, ибо «оно споспешествует каждому объективно обоснованным образом, – не считаясь с чисто личными желаниями его самого или других членов социального общения» [19. С. 289]. Штаммлер, таким образом, выступает за равенство возможностей, даже если для этого требуется неравное отношение.

Называя принципы правильного права «направляющими линиями» обработки материи социальной жизни, Штаммлер признает, что сами они еще не содержат ничего, что могло бы предопределить конкретное содержание позитивного права. Для этого, по мнению мыслителя, нужно выработать *прообраз* (Vorbild) правильного права – общезначимый метод, с помощью которого мы могли бы находить правильную норму права для конкретной ситуации. Таким образом, Штаммлер выделяет *четыре стадии нахождения правильного права*, включающие формулировку правового идеала (1), принципов правильного права (2), прообраза правильного права (3) и, наконец, вынесение обоснованного решения в конкретной ситуации (4) [21. С. 276-280].

Штаммлер отмечает, что «в обществе люди стоят друг к другу в различных отношениях: одни ближе, другие дальше; от одних я могу потребовать большего, от других меньшего, но зато и сам первым обязан (в смысле своего поведения) давать больше, другим меньше. Таким образом, вокруг каждого лица по степени социальной близости располагаются разнообразные *концентрические круги*. Это ясно выражается, например, в концентрических классах наследников и в сфере семейных отношений... Если теперь между двумя лицами возникает спор, каким поведением и в какой мере один из них обязан другому, то для решения этого спора в духе справедливого права обоих спорящих надо мысленно поставить в надлежащий концентрический круг, в некоторую специальную общность (Sondergemeinschaft); тогда мера справедливого поведения и исполнения их друг другу определится яснее» (цит. по: [7. С. 158-159]). Это мысленное определение *специальной общности* и составляет, по мнению Штаммлера, прообраз правильного права; принципы правильного права должны применяться именно к абстрактной Sondergemeinschaft, характеризующейся общими целями [21. С. 281].

Немецкий мыслитель иллюстрирует вышеприведенную схему на знаменитом деле мельника Арнольда из эпохи Фридриха Великого. Собственник земельного участка, расположенного по течению реки выше мельницы, соорудил в собственных интересах плотину, чем сделал затруднительной эксплуатацию мельницы собственником последней. Вопрос состоит в том, имел ли он на это право: с одной стороны, он лишь реализовал свое право собственности, с другой – воспрепятствовал реализации аналогичного права собственности другого лица. По мнению Штаммлера, мельник и его сосед должны быть мысленно поставлены в некоторую специальную для них общность, причем оба должны пользоваться своим правом так, чтобы каждый оставался «себе ближайшим»: правильным, таким образом, было бы пропорциональное разложение вреда между обоими лицами (цит. по: [7. С. 160]).

Мысль о специальном сообществе представляет собой ответ на вопрос: кто есть мой ближний. Она помогает верно применить принципы правильного права. Анализируя библейскую заповедь любви к ближнему, Штаммлер отмечает, что каждый человек от природы привязан больше всего к самому себе и в социальном общении неизбежно вступает с одними людьми в более близкие отношения, чем с другими. Вышеуказанная заповедь, будучи нравственным правилом, сама по себе не является достаточно определенным выражением правового идеала. В контексте правил внешнего поведения любовь к ближнему не должна пониматься так, что дальний человек имеет право требовать от нас столько же, сколько и ближний. В известной притче о добром самаритянине, оказавшем на дороге помощь жертве разбойников, необходимость помощи обосновывается именно тем, что самаритянин в своем положении стал жертве ближним. Как отмечал еще Кант, я могу испытывать ко всем равное чувство любви, но в поступках имеются определенные критерии, согласно которым я могу сделать для одного больше, чем для другого, не нарушая при этом единства своей максимы. Ни одна система права не свободна от подобного ранжирования, однако те критерии, которые уже имеются в исторически данном праве, не являются безусловно правильными (о понятии ближнего см.: [21. С. 285-291]). Ответ на этот вопрос всегда требует дополнительного исследования и не может быть универсальным и абсолютно точным [21. С. 305-306].

Применительно к вышеупомянутой ситуации автомобильной аварии изложенный критерий, по видимому, означает, что сам по себе вопрос об учреждении конкретных форм государственных услуг полиции и здравоохранения (в том числе о необходимости регулировать дорожное движение и об объ-

еме медицинской помощи) Штаммлер оставляет в стороне, но и полицейский, и врач являются потерпевшему в аварии ближними, поэтому должны оказать ему помощь. В то же время ближними они приходятся потерпевшему в различных смыслах, так как сами относятся к различным профессиональным концентрическим кругам. Их помощь должна состоять в выполнении заранее установленных функций, которым корреспондирует обязанность лица уплачивать налоги. Общей целью здесь, судя по всему, будет безопасность. Лица из семейного круга, в свою очередь, должны оказать потерпевшему материальную и моральную поддержку, обусловленную целями семьи. Те же, кто случайно оказался на месте происшествия, будут приходиться потерпевшему ближними в общем смысле и обязаны оказать ему помощь лишь в случае, если такая обязанность подразумевается общими целями, причем эта обязанность должна устанавливаться равной в отношении всех лиц данной общности.

Подводя итоги вышеизложенному, представляется необходимым оценить тот вклад, который сделал Р. Штаммлер в философию права своей теорией социального идеала. В литературе отмечается, что И. Кант не открыл в «Критике практического разума» новые нравственные идеалы, но только дал новую формулу прежним, что само по себе является большой заслугой, сравнимой с открытием математической формулы [8. С. 20]. Подобно этому, как нам представляется, Р. Штаммлер обосновал множество верных мыслей о правовом идеале, которые высказывались и до него, но попытался придать указанным мыслям новую, научную форму. Будь эта задача выполнена успешно, научные заслуги Штаммлера были бы неоспоримы. К сожалению, формулировка правового идеала, данная Штаммлером, «общество свободно хотящих людей» своей неясностью вызвала многочисленные споры среди его критиков. Внимательный анализ трудов философа, как было показано выше, устраняет многие имеющиеся на этот счет недоразумения, однако не делает саму указанную формулировку более удачной. Тем не менее заслугой Штаммлера, по нашему мнению, можно считать последовательное применение неокантианской методологии к вопросу идеального права, установление принципов такого права, разработку метода «прообраза правильного права» («концентрических кругов», «специальных общностей»), с помощью которого критерий социального идеала стал применим к конкретным общественным отношениям. И.А. Покровский считал названный метод «вызывающим сомнения» [7. С. 165], однако факт остается фактом: обстоятельному исследованию в отечественной науке он не подвергался, а потому концепция социального идеала Р. Штаммлера до настоящего времени не исчерпала своего значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилье Н., Скирбекк Г. История философии. Введение в философские корни современности. М.: Гуманитарный изд. центр «ВЛАДОС», 2008.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 2007.
3. Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве // Избранное: в 2 ч. Ч. 1. М.: Росспэн, 2010.
4. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1901.
5. Новгородцев П.И. Психологическая теория права и философия естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 3.
6. Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 2.
7. Покровский И.А. «Справедливое право» Рудольфа Штаммлера (литературное обозрение книги: Stammer R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902) // Вестник права. 1904. Кн. 2.
8. Слинин Я.А. Этика Иммануила Канта // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 2007.
9. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М.: Юркомпани, 2013.
10. Фролова Е.А. Правовая теория И. Канта // Право и государство: теория и практика. 2013. №7. С. 15-16.
11. Фролова Е.А. Правовой идеал в философии права // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2011. № 5.
12. Фролова Е.А. Принцип этического идеализма в неокантианской философии права // Право и государство: теория и практика. 2013. № 8.
13. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М.: Юрлитинформ, 2015.
14. Фролова Е.А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2013. № 2.
15. Фролова Е.А. Теория естественного права (исторический аспект) // Государство и право. 2015. № 1.

16. Фролова Е.А. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства // Государство и право. 2013. № 7.
17. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М.: Типография товарищества И.Д.Сытина, 1908.
18. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 1. СПб.: Начало, 1907.
19. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 2 СПб.: Начало, 1907.
20. Sabine G. Rudolf Stammler's Critical Philosophy of Law // 18 Cornell L. Rev. 321 (1933).
21. Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902.
22. Stammler R. The idea of justice // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 71. 1923. № 4.

Поступила в редакцию 06.11.15

N.A. Shaveko

RUDOLF STAMMLER'S SOCIAL (LEGAL) IDEAL

The article discusses the formula of legal ideal (“a society of freely willing people”) proposed by eminent German philosopher of law Rudolf Stammler, as well as the principles of fair (correct) law formulated by him, and the problems of their application in the evaluation of specific legal reality. The relationship between legal and moral ideals in the doctrine of Rudolf Stammler is analyzed; the views of pre-revolutionary Russian lawyers on German philosopher’s ideas about the correct law are exposed.

Keywords: Rudolf Stammler, social ideal, public ideal, legal ideal, society of freely willing people, correct law, natural law with changing content, neo-kantianism.

Шавеко Николай Александрович,
аспирант юридического факультета МГУ
Московский государственный университет
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: nickolai_91@inbox.ru

Shaveko N.A., postgraduate student at Faculty of Law
Moscow State University
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: nickolai_91@inbox.ru